КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Іюля № 13. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО (*)

Кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе; еда исповѣстся Тебѣ персть; или возвѣститъ истину Твою.

(Пс. 26, 10).

Вотъ роковой вопросъ, съ которымъ мы срѣтаемся лицемъ къ лицу при грустно окружаемомъ нами гробѣ! Думали ль мы, о Господѣ почившій собратъ и сотрудникъ нашъ, помышлялъ ли даже ты самъ, что, по краткомъ закрытіи нашихъ обычныхъ засѣданій для совершенія по уставу церкви святаго говѣнія, мы уже не увидимъ тебя по прежнему среди насъ за обязанностями службы (**),

(*) Сказанно, 20 февраля 1863 года, въ Житомирской кладбищенской церкви, при погребеніи секретаря Волынской духовной консисторіи Климента Богачевича, священникомъ Василіемъ Княжинскимъ.

(**) Покойный скончался 17 февраля—въ недѣлю православія.

а предстанемъ тебѣ для отданія послѣдняго долга? Недугъ твой такъ быстро сокрушилъ тебя, что вѣсть о немъ даже не успѣла призвать многихъ присныхъ твоихъ для предсмертнаго прощанія съ тобою. И чѣмъ нечаяннѣе была твоя кончина, тѣмъ тяжелѣе она поразила всѣхъ насъ горькимъ чувствомъ всеобщей смертности. Съ глубокимъ вздохомъ мы невольно взываемъ къ Владыкѣ жизни и смерти отъ лица твоего: *кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе; егда исповѣстся Тебѣ персть; или возвѣститъ истину Твою?*

Съ чѣмъ же сравнить настоящую скорбь твоего семейства? Сравнить ли ее съ печалью Іаира? но, по утратѣ имъ единородной дочери, утѣшеніемъ его жизни еще осталась жена (Лук. 8, 40—56). Не ближе ли будетъ сѣтованіе вдовы Наинской? Но и она, лишаясь сына, хотя тоже единственнаго, одна покрайней мѣрѣ и оставалась безъ подпоры (Лук. 7, 11—15). А здѣсь? Здѣсь горестная вдова, здѣсь цѣлая пятерица не пристроенныхъ дѣтей, и при какомъ обезпеченіи самыхъ средствъ къ существованію! Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ объявилъ апостоламъ о смерти друга своего Лазаря, смущеніе ихъ было такъ велико, что они могли сказать только: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ.* Жизнедавецъ говоритъ ученикамъ своимъ: *иду, да возбужу его;* говоритъ и Маров: *воскреснетъ братъ твой.* И однакожъ послѣ всего этого, при видѣ неутомимаго плача о Лазарѣ, самъ Богочеловѣкъ возскорбѣлъ духомъ, возмутился и прослезился, даже тогда, когда такъ близка была минута воскресенія Лазаря (Іоан. 11, 1—44). *Кто* же, други и братіе, *дастъ главѣ воду и очесемъ источникъ слезъ* (Іер. 9, 1), чтобы оплакать нашего четверодневнаго, о которомъ у насъ нѣтъ другаго слова, кромѣ слова Мароы: *вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній день?* Какъ бы въ предуказаніе близости своей разлуки съ нами, въ послѣднее время самъ почившій занятъ былъ мыслію о переселеніи—*и той творяшеся далечайше ити.* Нельзя было ему не выразить того же, что нѣкогда говорили ученики Еммаускіе Господу: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и преклонился есть*

день (Луки 24, 28 и 29). День жизни покойнаго точно преклонялся уже къ вечеру, и, по проведенiи имъ столь долгаго времени на настоящемъ мѣстѣ, перемѣна его представлялась позднею: но кто могъ гадать, что закатъ дней его такъ близокъ, что онъ такъ скоро перейдетъ не на другое мѣсто временнаго пришельствiя, а подъ вѣчный кровъ горняго отечества? Принявъ отъ небеснаго Домувладыки не одинъ, а пять талантовъ (Матѳ. 25, 15), прослуживъ даровитой душей болѣе тридцати лѣтъ (*) Волынской паствѣ при ея пяти iерархахъ (**), покойный, по свѣже-

(*) Покойный былъ сынъ священника Волынской епархiи, новоградволынского уѣзда, мѣстечка Любаря, церкви троицкой Iоанна Богачевича. Съ 15 февраля 1824 г. по 23 сентября 1827 г. онъ былъ писмоводителемъ правленiя Волынской духовной семинарiи и при этомъ двукратно исправлялъ должность секретаря того же правленiя, что свидѣтельствуетъ о раннемъ раскрытiи его способностей, такъ какъ онъ тогда былъ еще ученикомъ По окончанiи въ 1827 году въ волынской семинарiи курса боголовскихъ наукъ съ степенью студента, онъ 29 декабря 1829 г. опредѣленъ на службу въ луцкое духовное правленiе; изъ котораго, по вниманiю къ поданнымъ имъ о себѣ надеждамъ, перемѣщенъ въ Волынскую духовную консисторiю 7 мая 1830 года и здѣсь, не прерывая службы, проходилъ должность столоначальника по 30 мая 1833 г., должность писмоводителя при епархiальномъ архiереѣ по 22 мая 1841 г., и затѣмъ должность секретаря консисторiи по день смерти. Послѣ предъидущихъ производствъ, онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника въ 1851 году, знакъ отличiя безпорочной службы за XX лѣтъ въ 1852 г. и въ свое время бронзовую медаль на Андревской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ. Замѣчательно, что на смертный одръ покойный слегъ 15 февраля, въ тотъ самый день, въ который за 39 лѣтъ предъ тѣмъ онъ вступилъ на первое поприще своей службы, которая собственно по епархiальному вѣдоству продолжалась 33 года и около 2-хъ мѣсяцевъ.

(*) По возстановленiи древней Волынской православной каѳедры въ 1795 г., преемство на ней iерарховъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: преосвященные Епископы. I) Варлаамъ по 1805 г., II) Данiилъ по 1813 годъ, III) Стефанъ по 1828 г., IV) Амвросiй по 1832 г.; высокопреосвященные архiепископы: V) Иннокентiй по 1840 г. VI) Никаноръ по 1848 г., VII) Арсенiй по 1860 г., и VIII) съ 1860 г. до нынѣ высокопреосвященный архiепископъ Антонiй. Покойный скончался на 60

сти силъ, обѣщалъ еще долгое служеніе своимъ свѣтлымъ умомъ и зрѣлымъ опытомъ. Но вотъ одно мгновеніе все рѣшило иначе, и какъ намъ опять не повторить съ Давидомъ: *кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе; еда исповѣстся Тебѣ персть; или возвѣститъ истину Твою?*

Неисповѣдимы судьбы Господни! *Смерть мужу покой, егоже путь сокровенъ есть: затвори бо Богъ окрестъ его* (Іов. 3, 23), говоритъ многострадальный Іовъ,—и подлинно тайна смерти также неразгадана, какъ и тайна жизни. Не по своей волѣ мы входимъ въ міръ сей; не по своей волѣ и исходимъ изъ него. Ни могущество духа, ни крѣпость тѣла, ничто не защищаетъ отъ безвѣстнаго часа смерти, съ которою никто изъ земнородныхъ не можетъ положить завѣта (Сир. 14, 12). *Помяни судъ его, яко сице и твой: мнѣ вчера, а тебѣ днесь* (Сир. 38, 22), вотъ что вѣщаетъ живымъ отъ лица скончавшихся премудрый сынъ Сираховъ!

По отношенію къ самому почившему тотъ же мудрецъ даетъ намъ двѣ заповѣди: *въ покой мертвеца упокой память его, и утѣшися о немъ во исходѣ духа его* (Сир. 38, 23).

Конечно для памяти почившаго дорого упокоеніе. Но что можетъ ее лучше упокоить, какъ не тотъ узкій и тѣсный путь, который приближалъ почившаго къ гробу? *Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имже трудится подъ солнцемъ* (Екк. 1, 3), вопрошаетъ проповѣдникъ суеты,—и какое наглядное олицетвореніе этой безотвѣтной задачи представляетъ жизнь и смерть покойнаго!... Самая минута послѣдняго смертоноснаго удара постигла

году жизни, и потому онъ былъ живою лѣтописью Волынской епархіи: при первомъ ея архипастырѣ онъ родился, при второмъ получилъ первоначальное воспитаніе, при третьемъ обучался наукамъ и искушался въ служебномъ дѣлопроизводствѣ, при четвертомъ поступилъ на служеніе Волынской паствѣ, при пятомъ избранъ въ домашніе писмоводители, при шестомъ, седьмомъ и осьмомъ святителяхъ несъ секретарскую должность въ теченіи 22 лѣтъ.

его въ часъ душевной борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, изъ которыхъ болѣе всего его давилъ гнетъ крайней нужды (*)!

Но въ этомъ-то самомъ, сквозь свѣтлое зерцало святой вѣры, къ урокамъ которой почившій всегда относился съ такимъ благоговѣніемъ, и можемъ усматривать его вѣнецъ, позволяющій намъ утѣшиться *о немъ во исходѣ духа его*. Житейскія невзгоды, потеря старшей дочери, томительность безвыходныхъ недостатковъ и полнота чаши горестей, все это собралось пасмурнымъ облакомъ надъ его послѣдними днями, и, какъ теперь можемъ проразумѣвать мановеніе перста Божія, все это долженствовало очищать его душу и приготовлять его къ переходу на лоно Авраама, отъ котораго онъ уже не можетъ услышать: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ* (Лук. 16, 25). Что очистительное дѣйствіе испытанія Божія искусило его душу, *яко злато въ горнилѣ* (Прем. Солом. 3, 6), о томъ свидѣтельствуетъ его кончина. У поражаемыхъ подобною болѣзнію нить жизни пресѣкается большею частію мгновенно. А почившему милосердый Господь послалъ время принесть въ живой печали по Бозѣ исповѣданіе грѣховъ своихъ, сподобиться съ умиленіемъ напутствія животворящими тайнами, принять въ полномъ сознаніи святое елеосвященіе, и послѣ того еще прожить болѣе сутокъ, которыя онъ провелъ въ мысли о вѣчности, прощая всѣхъ и прося прощенія и молитвъ у всѣхъ. Эта благая, не долго болѣзненная и мирная христіанская кончина отрадно запечатлѣваетъ наше утѣшеніе *о немъ во исходѣ духа его*.

Но что сказать въ утѣшеніе тебѣ, осиротѣлое семейство? Гдѣ найти словъ для успокоенія тебя, когда всякое слово заглушаютъ говорящія въ тебѣ *стрѣлы Господни*

(*) Число всѣхъ дѣтей покойнаго превышало число чадъ самаго патріарха Израиля, и, кромѣ пяти безпомощныхъ сиротъ, послѣ него еще осталось трое дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть пристроенными къ жизни, прочія же предварили отца отшествіемъ къ Господу.

(Іов. 6, 4)? Почившій оставилъ тебѣ по себѣ въ завѣтное наслѣдіе только память о своей доброй и мягкой душѣ, о своей нѣжной и терпѣливой любви къ тебѣ. Но живъ человѣколюбецъ Богъ, *Отецъ сиротъ и Судія вдовицъ* (Пс. 67, 6), пріемлющій подъ свое особенное попеченіе тѣхъ, которые, по Его же премудрой, но не постижимой волѣ, лишаются земной помощи (Пс. 26, 10). Вотъ у Ноемини, на чужбинѣ, умираетъ мужъ, умираютъ и два сына: но изъ двухъ овдовѣвшихъ вслѣдъ за нею ея невѣстокъ Промыслъ избираетъ добродѣтельную Руѳь чрезъ счастливое супружество съ Воозомъ въ праматери Давиду, а чрезъ него и самому Іисусу Христу (Руѳ. 1, 1—5. 4, 13—17). Не только безотрадно, но и совершенно безнадежно было положеніе вдовицы Сарептской во время трехлѣтняго голода; но Господь горстью муки и нѣсколькими каплями елея пропитываетъ ее вмѣстѣ съ пророкомъ Иліею, чрезъ котораго воскрешаетъ и ея сына, служившаго для ней послѣдней поддержкой жизни (3 Цар. 17, 8—22). Отецъ небесный, призирающій и на алчущее гнѣздо *птенцевъ врановыхъ, призывающихъ Его* (Пс. 145. 9), никогда *непрезритъ молитвы сираго и вдовицы, егда излiетъ прошеніе* (Сир 35, 14), никогда не отступитъ отъ нихъ и Своею непосредственною помощію свыше, и вызовомъ каждаго изъ насъ къ исполненію высокой заповѣди: *буди сирымъ отецъ, и вмѣсто мужа матери ихъ, и будеши яко сынъ Вышняго, и возлюбитъ тя паче неже мати твоя* (Сир. 4, 10). Да не остынетъ въ насъ вѣра въ доброту и сострадательность сердца человѣческаго, которое неможетъ не отозваться глубокимъ участіемъ на эту заповѣдь, тѣмъ болѣе, что этого требуетъ отъ всѣхъ вниманіе къ заслугамъ почившаго и отъ многихъ самый долгъ признательности. Умѣрь же твои стоны, плачущее семейство: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. 54, 23)!

Не сплетаемъ почившему вѣнца похвалъ, которыхъ онъ не любилъ при жизни и тѣмъ болѣе не услышитъ послѣ смерти. Лучшая для него похвала наша-всеобщая скорбь, выражающая невозвратную утрату для однихъ

неудобозамѣнимаго сотрудника, для другихъ зоркаго руководителя, для многихъ благодѣтеля, и для всѣхъ лучшаго участника христіанскихъ радостей и печалей жизни. Многомятежное поприще кончено: теперь онъ уже не на судѣ человѣческомъ, часто поспѣшномъ и всегда неполномъ, а на нелицепріятномъ и праведномъ судѣ Божіемъ. Помолимся же Богу духовъ и всякія плоти объ упокоеніи души почившаго тамъ, гдѣ *легкое* бремя привременной *печали* пріобрѣтетъ *тяготу вѣчныя славы* (2 Кор. 4, 17), гдѣ всѣ земныя лишенія съ преизбыткомъ восполнятся вкушеніемъ *отъ манны сокровенныя* (Апок. 2, 17), и *отъ* неизсякающаго *источника воды животныя* (Апок. 21, 6). Много лѣтъ потрудился почившій для вертограда церкви Христовой. Потому самому да сохранится долго и среди насъ, согласно и послѣднему завѣтному желанію почившаго, воспоминаніе о немъ у престола благодати, предъ жертвою всемірнаго очищенія и избавленія!

Прости, любезнѣйшій сотрудникъ; прости, незабвенный; прости до вожделѣнной встрѣчи съ тобою въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго! Миръ праху твоему, миръ вѣчной памяти твоей! Аминь.

ПО КАКОМУ НАПѢВУ СЛѢДОВАЛО БЫ ОБУЧАТЬ ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ ВЪ НАШИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Пѣніе, какъ и музыка, есть одно изъ самыхъ высокихъ наслажденій, доступное и понятное и образованному и необразованному человѣку. Въ звукахъ пѣсни совершается непосредственное изліяніе души со всѣми ея внутренними движеніями, со всѣмъ, что волнуетъ ее въ данный моментъ. Пѣніе есть до нѣкоторой степени потребность души; въ немъ, какъ и въ дружеской задушевной бесѣдѣ, человѣкъ ищетъ излить свою скорбь или радость. Оно выше и дороже для человѣка самой теплой и сладостной рѣчи; ему отдается человѣкъ, въ немъ находитъ отраду и успокоеніе и тогда, когда всѣ его оставляютъ, когда ни предъ кѣмъ онъ не можетъ высказать волнующихъ его чувствъ. Оно отрѣшаетъ человѣка отъ дневныхъ его заботъ и огорченій, заключаетъ его въ его внутреннемъ, сокровенномъ мірѣ, уноситъ далеко въ міръ прошедшаго, въ область чистой поэзіи, въ міръ небесный, божественный. Пѣніе возвышаетъ и облагороживаетъ душу человѣка. Оно нравится всякому, даже и тому, кто вовсе не умѣетъ пѣть и не имѣетъ хорошаго голоса; оно магически дѣйствуетъ на душу слушающаго и возбуждаетъ въ немъ тѣже самыя скорбныя или радостныя чувства, которыя волновали душу слагавшаго пѣснь.

Пѣніе церковное на столько выше обыкновеннаго пѣнія, на сколько область религіозныхъ предметовъ выше окружающей насъ дѣйствительности. Оно столько представляетъ потребности для насъ, сколько каждый изъ насъ чувствуетъ потребность въ религіи. Хотите ли испытать на себѣ всю силу, все вліяніе этого пѣнія? Попробуйте

особенно въ часы душевной скорби и туги, побывать въ соборной церкви нашей Печерской лавры.

Что до нашего народа, то онъ особенно любитъ пѣніе вообще и въ частности церковное. Это по преимуществу народъ пѣвучій. Таковъ онъ отъ природы и такъ воспитала его исторія. Въ своихъ дивныхъ пѣсняхъ онъ выразилъ все богатое содержаніе своей прежней жизни, всю свою исторію съ ея минувшею славою и страданіями. Въ этихъ пѣсняхъ вы найдете возвышеннѣйшія понятія о Богѣ, о жизни загробной, объ утѣхахъ райскихъ и мукахъ адскихъ, самую обширную и строгую мораль, съ обозначеніемъ дѣлъ добрыхъ и злыхъ, самыя нѣжнѣйшія чувства любви къ родинѣ, любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ и наконецъ непорочной дѣвственной любви. Народъ съ любовію хранитъ это драгоцѣнное наслѣдіе предковъ и поетъ отъ зари до зари, иногдажъ и всю ночь на пролетъ. Въ селахъ звуки пѣсни несутся къ вамъ изъ убогой хатки, изъ бурьяну огорода, съ берега рѣчки или пруда, отъ криницы; вы услышите ихъ въ полѣ, на лугу, въ лѣсу и дубравѣ, услышите въ самую раннюю пору дня, въ теченіи всего дня, вечеромъ, въ полночь и даже за полночь. А попробуйте въ лѣтнюю ночь пройти по улицамъ Подола: будетъ далеко за полночь, а вы услышите пѣніе въ разныхъ концахъ,—гдѣ нибудь въ переулкѣ, за *Качавой* или на *Плоскомъ*, всего же чаще на пресловутой *Киселевкѣ*, или на отрогѣ Андреевской горы. Тутъ вы услышите и *Слава въ вышнихъ Богу*, и *нынѣ отпущаеши*, и *Подъ твою милость*, и *Воспойте людіе*, много другихъ пѣсней и концертовъ, и даже просто— *Господи помилуй*. Въ селахъ если, по незнанію, рѣдко поютъ священныя пѣсни, то тѣмъ не менѣе любятъ церковное пѣніе. Это легко замѣтить по вниманію и выраженію лицъ предстоящихъ въ церкви, когда въ ней, по какому нибудь случаю, раздается не одиночное, по большей части дикое и непріятное пѣніе дьячка, но пѣніе нѣсколькихъ лицъ согласное и пріятное. Слѣдующіе два случая еще болѣе подтвердятъ сказанное нами. Въ одной сельской церкви нашей губерніи, въ пѣніи за обѣдней, уча-

ствовало однажды совершенно постороннее лице, вовсе не дьяческаго роду. По окончанiи обѣдни ему сдѣлано было нѣсколькими прихожанами предложенiе поступить къ нимъ въ дьячки на особомъ, значительномъ окладѣ. Въ другомъ селѣ церковный староста предложилъ священнику 25 р. с. за то, чтобы въ церкви, послѣ каждой обѣдни, въ теченiи года пѣли „*Подъ твою милость прибѣгаемъ*". Все это мы говорили къ тому, чтобы показать важность и необходимость того дѣла, за которое принялись теперь нѣкоторые изъ нашихъ сельскихъ священниковъ, т. е. обученiя церковному пѣнiю въ нашихъ сельскихъ школахъ. Хорошее выполненiе этого дѣла удовлетворитъ одной изъ самыхъ высокихъ потребностей народной жизни, будетъ отвѣчать одному изъ отличительныхъ свойствъ и стремленiй нашего народа. Не говоримъ о томъ, что только такимъ способомъ можно улучшить пѣнiе въ нашихъ сельскихъ церквахъ и облегчить трудъ нашихъ дьячковъ, обреченныхъ на безпомощное пѣнiе въ одиночку съ тѣхъ поръ, какъ перемерли пѣвцы, воспитанные нашими прежними, давно погибшими школами.

Но самая важность этого дѣла дѣлаетъ не маловажнымъ вопросъ о томъ, по какому напѣву слѣдовало бы обучать церковному пѣнiю въ нашихъ сельскихъ школахъ.

Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно знать, какiе напѣвы употребляются въ нашихъ сельскихъ церквахъ при богослуженiи; ибо пѣнiю, какъ и грамотѣ, учатъ по тѣмъ способамъ, какiе гдѣ извѣстны. Сколько намъ извѣстно, въ сельскихъ церквахъ нашей епархiи употребляются три напѣва: такъ называемый *придворный*, извѣстнаго композитора Бортнянскаго, *обиходный*, или пѣнiе по *обиходу*, знакомому всѣмъ учебнику нотнаго пѣнiя въ духовныхъ нашихъ училищахъ, и наконецъ такъ называемый *простой*, *старинный*. Напѣвъ придворный употребляется (гдѣ употребляется) исключительно почти за литургiей; по обиходу поютъ на утрени преимущественно ирмосы; напѣвъ такъ называемый простой, старинный употребляется на всѣхъ службахъ и частныхъ послѣдованiяхъ. Въ употребленiи этихъ напѣвовъ примѣчаются слѣдующiя

обстоятельства: въ 1-хъ каждому изъ нихъ дается столько мѣста, на сколько онъ знакомъ поющему, отъ чего происходитъ, что одна и таже служба нерѣдко поется по тремъ различнымъ напѣвамъ, во 2-хъ напѣвъ придворный предпочитается двумъ остальнымъ, а пѣніе по обиходу считается лучше простаго пѣнія, въ 3-хъ, при недостаточномъ знакомствѣ нашихъ причетниковъ съ напѣвомъ придворнымъ и стариннымъ, оба эти напѣва въ пѣніи подвергаются крайнему искаженію и перемѣшиваются въ одной и тойже церковной пѣсни до того, что на дѣлѣ получается какой-то особенный напѣвъ; болѣе точное и правильное пѣніе совершается по обиходу, — здѣсь поютъ прямо по книгѣ, между тѣмъ какъ для напѣвовъ стариннаго и придворнаго, особенно послѣдняго, въ большей части нашихъ сельскихъ церквей нѣтъ нотныхъ ирмологіевъ, или же они не подъ силу нашимъ причетникамъ, и потому оба эти напѣва знакомы больше съ голоса.

Соотвѣтственно такому разнообразному пѣнію въ сельскихъ церквахъ, и самое обученіе пѣнію въ сельскихъ школахъ бываетъ различно: учатъ придворному напѣву, всего чаще съ голоса и никогда почти по партитурѣ или четырехъ-голосному обиходу, учатъ обиходному пѣнію по школьному нашему учебнику, учатъ наконецъ простому, обыкновенному пѣнію, также съ голоса. Въ этомъ обученіи, независимо отъ самыхъ напѣвовъ, можно бы найти много недостатковъ. Оно производится преимущественно съ голоса, то есть учитель пѣнія, положимъ дьячекъ, заставляетъ мальчика, „*тянуть за нимъ*,“ или брать ноту за нотой, какъ онъ беретъ, и мальчикъ, въ собственномъ смыслѣ, тянетъ за нимъ, выбираетъ тѣ именно ноты и такъ именно, какъ выбираетъ ихъ учитель. Тутъ съ одной стороны учащій пѣнію остается настолько вѣрнымъ подлинному напѣву извѣстной пѣсни, насколько этотъ напѣвъ удержался въ его памяти, почему и учащійся знакомится съ напѣвомъ не въ его подлинникѣ, а въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ему память учителя, со всѣми разнообразными измѣненіями, ощущеніями и дополненіями, накопившимися путемъ преданія и воспроизводимыми нерѣдко

собственною фантазіею дьячка, съ другой—учащійся пѣнію мальчикъ, не въ состояніи будучи ни самъ по себѣ, ни съ помощію своего учителя, опредѣлить—какой натуральный его голосъ, поетъ тѣмъ именно голосомъ, какимъ поетъ его учитель, и хорошо еще, если мальчикъ догадается покрайней мѣрѣ брать тѣ же ноты, только верхней октавы, не то-онъ дуется изо всѣхъ силъ, чтобы пѣть напримѣръ такимъ же басомъ, какъ и его учитель. Объ этомъ жалкомъ обученіи пѣнію людьми, вовсе незнакомыми съ четырехъ-голоснымъ или осьми-голоснымъ пѣніемъ, можно бы многое сказать; но у насъ рѣчь преимущественно о напѣвахъ, по которымъ поютъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ и учатъ пѣнію въ нашихъ сельскихъ школахъ. Который же изъ этихъ напѣвовъ лучше и какого изъ нихъ слѣдовало бы держаться нашимъ сельскимъ учителямъ церковнаго пѣнія?

Напѣвъ придворный отличается необыкновенною простотою, естественностію и правильностію сочетанія тоновъ. Въ немъ нѣтъ никакой игривости, витіеватости, быстрыхъ и смѣлыхъ переходовъ изъ одного тона въ другой, сильныхъ порывовъ чувства, выражаемыхъ звуками человѣческаго голоса, и вообще не только излишнихъ, но и никакихъ украшеній. Простота этого напѣва даетъ ему краткость; его размѣръ умѣренный, но ровный и постоянный до однообразія. Хотите отслужить обѣдню въ 3/4 часа,—пусть поютъ придворнымъ напѣвомъ, и вы отслужите ее, безъ видимой поспѣшности, въ такой короткій срокъ. Естественность и правильность сочетанія тоновъ въ пѣніи, предназначенномъ для четырехъ голосовъ, даетъ необыкновенную полноту аккорда и такую же гармонію, а эти два качества въ совокупности сообщаютъ пѣнію пріятность, спокойное величіе и даже торжественность. Все разнообразіе тоновъ въ этомъ напѣвѣ удивительно легко и просто сводится къ одному основному тону, равно выводится изъ него такимъ же образомъ; отсюда новое качество этого напѣва—стройность пѣнія. Какъ бы ни было велико число поющихъ, но, если только пріучены строго соблюдать размѣръ пѣнія, вы забываете различіе голосовъ и тоновъ

свойственныхъ каждому голосу, и пѣніе обширнаго хора кажется вамъ пѣніемъ какъ бы одного голоса. Эта стройность пѣнія, основанная на самомъ напѣвѣ, такъ поразила одного италіанскаго графа, слушавшаго придворныхъ нашихъ пѣвчихъ во время пребыванія въ Ниццѣ покойной Государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, что онъ не находилъ словъ для того, чтобы восхвалить нашихъ пѣвчихъ и наше пѣніе.

Много, какъ видите, высокихъ достоинствъ заключаетъ въ себѣ нашъ такъ называемый придворный напѣвъ; но дальше этихъ качествъ и не ищите въ немъ ничего. Въ немъ нѣтъ ничего, затрогивающаго чувство, ничего, чтобы будило, потрясало душу. Напѣвъ этотъ вполнѣ гармонируетъ съ обыкновеннымъ, спокойнымъ состояніемъ души, но за то онъ не способенъ ни возбудить особенно сильнаго состоянія душевнаго, ни отвѣтить ему. Ни сильный восторгъ душевный, ни глубокое умиленіе и грусть, ни это тихое трепетаніе изнывающаго въ скорби сердца не найдутъ въ немъ ни поддержки, ни отвѣта. Онъ, если угодно, пригоденъ для всякаго состоянія душевнаго и ни для одного въ особенности. Впечатлѣніе отъ него просто и однообразно, также, какъ и самъ онъ простъ до однообразія: оно походитъ, отчасти, на то впечатлѣніе, какое дается намъ видомъ шоссейной или почтовой дороги, обсаженныхъ по сторонамъ деревьями, видомъ аллеи изъ ровно подстриженныхъ акацій, или наконецъ видомъ прямой улицы, освѣщенной ровно идущими по обѣимъ сторонамъ фонарями. Пріятные виды, но простые и однообразные. Говоря это, мы не желаемъ оскорбить памяти великаго нашего композитора: отдавая полную дань уваженія его генію, мы можемъ только сказать о напѣвѣ, имъ созданномъ, что это верхъ простоты въ искуствѣ, но все таки въ искуствѣ.

Таковы, по нашему мнѣнію, общія свойства напѣва Бортнянскаго, или придворнаго. Мы изобразили эти свойства, представляя пѣніе хора большаго, искусно организованнаго и обладающаго хорошими и хорошо обработанными голосами. Но посмотрите, что выходитъ изъ него

при отсутствіи всѣхъ, или только нѣкоторыхъ изъ указанныхъ условій? Чѣмъ меньше число поющихъ, чѣмъ слабѣе ихъ голоса, тѣмъ болѣе напѣвъ теряетъ своего величія и торжественности. Малѣйшая неправильность голоса, невѣрность взятаго тона примѣтны тотчасъ; при большемъ или меньшемъ отступленіи одного или двухъ голосовъ отъ строгости положеннаго размѣра теряется стройность—основное качество самаго напѣва. Попробуйте уменьшить число основныхъ голосовъ (баса, тенора, альта и дисканта), напѣвъ будетъ казаться тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше будетъ такое уменьшеніе. Ущербъ примѣтенъ даже и тогда, когда недостаетъ одного или двухъ не изъ четырехъ, но изъ осьми голосовъ, напр. втораго или перваго тенора, такого же альта и проч.; но оставьте одинъ только изъ основныхъ голосовъ, положимъ баса или тенора, и заставьте его пѣть хоть *иже херувимы*, напѣвъ утратитъ всѣ свои достоинства и предъ вами точно дерево огромное, котораго всѣ вѣтви отрублены. Сколько бы вы ни увеличивали число поющихъ однимъ и тѣмъ же голосомъ, пѣніе не улучшится ни на іоту. Наконецъ и то еще отличительное качество хорошаго пѣнія, что чѣмъ меньше число основныхъ голосовъ, тѣмъ оно труднѣе, и для одного голоса невыносимо тяжело, хотя бы поющихъ тѣмъ голосомъ было нѣсколько. Въ хорѣ основные голоса, какъ въ сводѣ кирпичи, взаимно другъ друга поддерживаютъ и восполняютъ. Напѣвъ придворный сносенъ еще, когда поютъ басъ и два тенора, или покрайней мѣрѣ басъ и теноръ, и рѣшительно нестерпимъ, когда поетъ басъ или теноръ, хотя бы и въ числѣ нѣсколькихъ лицъ. Какъ ни бьется иногда дьячекъ, предоставленный въ пѣніи своимъ собственнымъ силамъ, какъ ни изворачивается онъ, переходя изъ одного голоса въ другой, пѣніе его, въ высшей степени затруднительное для него самаго, производитъ на слушающаго непріятное и тяжелое впечатлѣніе.

Въ дѣлѣ изученія, придворный напѣвъ представляетъ непреодолимыя затрудненія. Прежде всего сказать должно, что на этотъ напѣвъ положены далеко не всѣ службы церковныя. Обиходъ придворнаго пѣнія весьма не полонъ;

онъ обнимаетъ, и то несовершенно, только службу воскресную; изъ всѣхъ другихъ службъ въ немъ только частички. Предположимъ однакожъ, что онъ былъ бы изданъ въ самомъ полномъ видѣ для четырехъ голосовъ, тогда онъ будетъ недоступенъ для сельскихъ церквей по своей цѣнѣ. И нынѣшній обиходъ придворнаго пѣнія не всякая сельская церковь можетъ пріобрѣсть. Да и кто станетъ учить этому напѣву въ селахъ, хотя бы то и по нынѣшнему неполному обиходу? Не много между нашими сельскими причетниками найдется такихъ, которые, въ періодъ своего не долгаго воспитанія были въ архіерейскомъ или семинарскомъ хорѣ, а и тѣ по большей части то совсѣмъ забываютъ ноту, непригодную въ жизни, то помнятъ ноту своего голоса, которымъ приходилось имъ пѣть въ хорѣ. Возобновлять въ памяти давно забытое, учиться вновь, едва ли кто изъ нихъ рѣшится. Наконецъ, если бы и дѣйствительно гдѣ либо нашелся причетникъ, основательно и твердо знакомый съ четырехъ-голоснымъ пѣніемъ, ему нерѣдко придется испытать недостатокъ основныхъ голосовъ: дискантовъ и альтовъ онъ найдетъ, положимъ, въ самой школѣ, но что если ни самъ онъ, ни другой причетникъ (если ихъ два въ приходѣ) не имѣетъ опредѣленнаго голоса—баса или тенора, а это случается весьма часто. Хоръ будетъ на половину, да и мальчиковъ трудно учить безъ поддержки и руководства другихъ голосовъ. Могутъ, конечно, и между взрослыми грамотными крестьянами найтись люди съ такимъ или другимъ голосомъ; но странно было бы переучивать ихъ, если они чувствуютъ привязанность къ другому напѣву и образу пѣнія.

Но всего лучше судить о томъ, насколько удобоприложимо придворное четырехъ-голосное пѣніе въ нашихъ сельскихъ приходахъ, по тѣмъ попыткамъ, какія дѣлаемы были въ этомъ родѣ въ прежнее время, при средствахъ болѣе значительныхъ, нежели какими обладаютъ приходы. Было время, когда придворный напѣвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще такъ называемое партесное пѣніе имѣли обаятельную прелесть для всякаго любителя церковнаго пѣнія; привязанность къ нимъ доходила до страсти, такой

же точно, какъ страсть вообще ко всякой новизнѣ, къ модѣ. Явилось огромное число не признанныхъ композиторовъ духовныхъ, которые наводнили Россію своими, по большей части, бездарными, а иногда противными даже правиламъ вокальнаго искуства, произведеніями, искажавшими глубоко-благоговѣйный смыслъ службы церковной. Рѣдкій регентъ какого угодно хора не считалъ своимъ долгомъ изложить по своему вдохновенію напѣвъ какой либо пѣсни церковной и даже цѣлой службы. Страсть къ такому пѣнію соотвѣтствовала страсти къ сочиненіямъ того же рода. Дѣло заходило такъ далеко, что св. Сvнодъ въ пятидесятыхъ годахъ сперва вовсе воспретилъ было пѣніе концертовъ, потомъ предоставилъ это дѣло на усмотрѣніе епархіальныхъ архіереевъ, относительно же всѣхъ вообще піэсъ церковныхъ, въ томъ числѣ и концертовъ, постановилъ подвергнуть ихъ спеціальной цензурѣ и впредь къ употребленію допускать только тѣ изъ нихъ, которыя прошли цензуру; самихъ регентовъ архіерейскихъ хоровъ требовалось обучать партесному пѣнію въ придворной капеллѣ. Въ это то время непомѣрнаго стремленія къ партесному пѣнію, богатые помѣщики стали заводить у себя хоры. Хоровъ было очень много: вездѣ, гдѣ только былъ оркестръ музыки, тамъ былъ и хоръ пѣвчихъ, иногда же хоры устраивались и не зависимо отъ оркестровъ. Въ нашей кіевской губерніи хоры пѣвчихъ съ давнихъ поръ существовали въ м. Корсунѣ—имѣніи князя П. П. Лопухина, въ селѣ Козацкомъ—имѣніи И. И. Фундуклея, въ м. Шполѣ у Лопухиныхъ, въ селѣ Матусовѣ у г. Орлова, въ с. Лузановкѣ у пом. Красовскаго, въ м. Кагорликѣ у пом. Трощинскаго и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Независимо отъ хоровъ, придворное и вообще партесное пѣніе было употребляемо и распространяемо многими изъ причетниковъ и даже нѣкоторыми священниками, бывшими въ періодъ воспитанія въ хорѣ. Что же, насколько у насъ привилось это пѣніе при такихъ значительныхъ средствахъ къ его распространенію? На содержаніе хоровъ тратились большія суммы: пѣвчіе занимали особое помѣщеніе, имъ давали жалованье, одежду, столъ, отопленіе и освѣщеніе;

ежедневно почти происходило обученіе нотъ, для приготовленія къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ дѣлалось по три и по четыре генеральныя спѣвки, а придешь въ церковь, послушать нечего. Никакихъ другихъ службъ, кромѣ литургіи, пѣвчіе не пѣли, а на литургіи, пропоютъ (по партесному) херувимскую, концертъ, иногда *Милость мира* и *Единородный Сыне* или *Вѣрую во единаго Бога*. Но каково это пѣніе? Пріятности, обработки въ голосахъ ни малѣйшей, свободы, пониманія, смысла никакого. Въ общемъ складѣ и характерѣ пѣнія такъ и слышится вялость, безжизненность, робость, принужденность, или испуганный дикій крикъ по взмаху руки регента, такъ и видно, что это пѣніе по наряду, по приказу, безъ всякаго сочувствія, таже барщина. Безспорно самый лучшій изъ всѣхъ существовавшихъ у насъ сельскихъ хоровъ—хоръ корсунскій имѣлъ всегда одно достоинство—стройность пѣнія, доходящую до того, что напр. вся партесная, двухорная обѣдня, отъ начала и до конца, поется на двухъ клиросахъ, отдѣленныхъ, по причинѣ обширности храма, на далекое разстояніе другъ отъ друга, и поется безъ малѣйшаго нарушенія стройности. Это, конечно, показываетъ хорошую выправку пѣвчихъ; но самое пѣніе выигрываетъ отъ нея весьма не много,—естественная пріятность голоса подавлена, забита или нисколько не развита, духъ пієсы, идея композитора исчезаютъ. Такими мы знали нѣсколько изъ названныхъ хоровъ, въ самую лучшую пору ихъ существованія. Теперь всѣ почти исчисленные выше хоры не существуютъ; остается, если не ошибаемся, одинъ только корсунскій хоръ въ полномъ своемъ составѣ. Что было причиною уничтоженія прочихъ хоровъ, на вѣрное сказать не можемъ: можетъ быть—экономическіе расчеты содержавшихъ ихъ помѣщиковъ, а можетъ быть просто опытомъ сложившееся убѣжденіе въ невозможности завести въ селѣ хорошее хоровое пѣніе. Мы припомнимъ здѣсь одно знаменательное въ этомъ отношеніи обстоятельство. Давно когда-то намъ пришлось слышать пѣніе одного изъ упомянутыхъ выше хоровъ при освященіи одной сельской церкви. Въ церкви

пѣвчіе пѣли весьма неудовлетворительно, — нестройно, безвкусно, вяло, безжизненно; послѣ обѣда, для доставленія удовольствія гостямъ, пѣли духовные концерты—также неискусно, потомъ—италіанскія пѣсни, или выдержки изъ италіанскихъ Оперъ (*)—изъ рукъ вонъ плохо, наконецъ свои національныя пѣсни, положенныя на ноты для четырехъ голосовъ. Живо припоминается намъ, какъ быстро измѣнились лица поющихъ, какимъ удовольствіемъ заблистали глаза малютокъ—пѣвцовъ, точно ожили они, точно освободились отъ какой-то удушливой, мертвящей атмосферы. Свободно, безъ робости и застѣнчивости, съ неподдѣльнымъ жаромъ и увлеченіемъ отдавались они роднымъ звукамъ, не смотря на то, что эти звуки приведены были нѣкоторымъ образомъ въ искуственную гармонію. Стройность пѣнія давалась сама собою, рука регента была ненужна, и онъ пересталъ махать ею. Не только взрослые, но даже мальчики дѣлали по временамъ небольшія отступленія отъ текста ноты, выкидывали, что называется, свои штуки, и однакожъ эти отступленія не нарушали общей гармоніи. Въ общемъ пѣніе выходило настолько пріятное и симпатическое, что слушатели не выдерживали и поперемѣнно разными знаками выражали то сочувствіе, то одобреніе. Просимъ читаталей погадать надъ этимъ фактомъ; что до насъ, мы не сомнѣваемся, что въ указанномъ случаѣ главною, первою причиною дурнаго и хорошаго пѣнія не хоръ, не партесное пѣніе хоромъ, но такое или иное сочетаніе звуковъ, или то, что собственно мы называемъ напѣвомъ. Надо быть высоко развитымъ, чтобъ сочувствовать пѣнію, какъ искуству, чтобы оно дѣйствовало на насъ и возбуждало въ насъ симпатію и тогда, когда само не имѣетъ никакой внутренней связи ни съ отличительнымъ строемъ нашей души, ни съ историческимъ складомъ нашей жизни и характера, а таково именно для насъ

(*) Текстъ написанъ италіанскими же словами, но русскими буквами. Куда не заносила бѣднаго мужичка прихотливая фантазія барина, или его прислужниковъ!

такъ называемое придворное и вообще употребляющееся у насъ партесное церковное пѣніе. Отъ того существовавшіе у насъ хоры и сами не привились, и въ народѣ не оставили никакихъ слѣдовъ своего продолжительнаго существованія. Ни одинъ грамотный крестьянинъ того мѣста, къ которомъ существовалъ хоръ, не старался усвоить себѣ что нибудь изъ пѣнія, которое такъ часто приходилось ему слышать, ни одинъ изъ бывшихъ въ хорѣ простолюдиновъ не удерживалъ въ памяти напѣва, которому такъ долго его учили; выходя изъ хора, онъ охотно мѣнялъ его на безхитростное пѣніе стараго дьячка. Лѣтъ десять назадъ тому мы имѣли случай познакомиться съ остатками одного изъ существовавшихъ у насъ сельско-помѣщичьихъ церковныхъ хоровъ. Хоръ былъ распущенъ; бывшіе пѣвчіе по воскресеньямъ и праздникамъ собирались въ большемъ или меньшемъ числѣ на клиросѣ и пѣли подъ дирекціею старика—дьячка. И помину у нихъ не было о придворномъ напѣвѣ, о партесномъ пѣніи; пѣли роднымъ стариннымъ напѣвомъ, и пѣніе было весьма пріятное, стройное, и умилительное.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе правильно организованныхъ хоровъ, существовали у насъ вольные хоры—безъ средствъ, безъ посторонней поддержки, безъ знанія ноты, но съ великою страстію къ нотному пѣнію. Одинъ изъ такихъ хоровъ существуетъ, кажется, и по нынѣ при одной изъ кіевоподольскихъ церквей и состоитъ изъ мѣщанъ, въ томъ числѣ и прикащиковъ; другой, обязанный ему своимъ происхожденіемъ, мы знали въ м. Бѣлой Церкви: тамъ пѣвчіе изъ грамотныхъ крестьянъ. И тамъ и здѣсь обученіе пѣнію—съ голоса; регентъ, самъ незнакомый хорошо съ нотою и съ нотною литературою, подбираетъ для херувимской, многолѣтія или концерта знакомые ему мотивы изъ разныхъ произведеній нашихъ духовныхъ композиторовъ, комбинируетъ ихъ, какъ можетъ, восполняетъ забытое и недостающее собственною фантазіею и по такой безобразной компиляціи обучаетъ своихъ пѣвчихъ. До стройности пѣнія, до согласія тоновъ, до вѣрности взятой ноты регенту нѣтъ дѣла, было бы партесное пѣніе. Трудно

придумать что либо хуже, безобразнѣе этого пѣнія. Начало наприм. херувимской изъ 7 № Бортнянскаго, потомъ отрывокъ изъ Турчанинова, потомъ частички № 3 и 1, а конецъ опять изъ № 7, и все это изковеркано и обезображено такъ, что съ трудомъ догадаешься, откуда эти знакомые мотивы. Тоже и съ другими пѣснями церковными. Что касается самаго пѣнія, то его можно охарактеризовать словами: *кто въ лѣсъ, а кто по дрова.* И такъ поются не херувимскія только или другія пѣсни, но просто: *Господи помилуй*, *Вѣрую во единаго Бога*, *Да исполнятся уста наша* и проч. Такое жалкое пѣніе, не смотря на продолжительное существованіе хоровъ, ясно показываетъ, какъ трудно не только въ селѣ, но даже въ городѣ завести сносное и приличное храму Божію хоровое пѣніе, хоть по простому придворному напѣву, если нѣтъ на это особенныхъ средствъ. Признаемся, мы понять не можемъ теперь довольно частыхъ уже извѣстій; что въ такомъ-то наприм. селѣ изъ учениковъ сельской школы устроенъ *хоръ*. Ужъ не такіе ли это хоры, какъ сей часъ указаны?

Перейдемъ теперь къ напѣву, представляемому нашимъ школьнымъ обиходомъ. Здѣсь прежде всего сказать должно, что весь этотъ обиходъ положенъ въ альтовую ноту и слѣд. для одного альтоваго голоса. Какъ пѣть прочимъ голосамъ? Подбирать ноты соотвѣтственныя нотѣ учебника? Но на это способны люди, коротко знакомые съ основными законами музыки или пѣнія, или же обладающіе музыкальнымъ чутьемъ; притомъ такая поддѣлка или приспособленіе никогда не могутъ быть тверды и постоянны,—одинъ будетъ наблюдать такіе, другой другіе тоны, даже одинъ и тотъ же поющій въ одинъ разъ будетъ пѣть такъ, въ другой иначе и можетъ быть каждый разъ не безъ ошибокъ и опущеній въ мѣстахъ трудныхъ. Пѣть всѣмъ голосамъ, по одной и той же альтовой нотѣ, очевидно не приходится; въ этомъ легко убѣдиться самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ. Послушайте, какъ поетъ дьячекъ басовымъ голосомъ по обиходу: *Тебе одѣющагося*, *О тебѣ радуется* и т. под., или какъ поютъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ по одной и тойже нотѣ однимъ го-

лосомъ человѣкъ 50, 100 и болѣе. Просимъ читателей припомнить это такъ знакомое намъ пѣніе, надъ которымъ каждый изъ насъ мучился въ теченіе шести лѣтъ: есть ли хоть какая нибудь пріятность въ этомъ пѣніи, какъ бы ни было велико число поющихъ? Доставляетъ ли оно хотя такое удовольствіе, какое можетъ доставить одиночное, не твердое пѣніе крестьянскаго мальчика? Намъ приходилось слышать отзывъ по этому предмету одного свѣтскаго, хорошо образованнаго и серьезнаго человѣка, который жилъ по сосѣдству съ нашимъ духовнымъ училищемъ и поставленъ былъ въ необходимость слушать нѣсколько разъ въ недѣлю наше обиходное пѣніе. Припоминая это пѣніе, онъ не могъ надивиться тому, что у насъ учатъ такому пѣнію. Вѣдь въ церкви, говорилъ онъ, не такъ поютъ; зачѣмъ же учатъ такому пѣнію, которое, кромѣ школы, нигдѣ не употребляется? Трудно было намъ отвѣчать ему на этотъ вопросъ. Дѣйствительно, пѣніе по обиходу безвкусно, но это зависитъ не отъ неумѣнья поющихъ и не отъ того только, что всѣ поютъ одною альтовою нотою. Напѣвъ обиходный самъ по себѣ несовершенъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, какъ изложены въ обиходѣ глубоко-трогательныя стихиры: *Тебе одѣющагося*. Богатое содержаніе этой пѣсни совершенно теряется въ безчувственномъ гагаканьѣ. Вообще школьной обиходъ нашъ есть самое бездарное и грубое переложеніе стариннаго, нѣсколько витіеватаго напѣва. Главный недостатокъ его, который портитъ все пѣніе и обезображиваетъ даже тѣ пѣсни, которыя лучше другихъ переложены, какъ напр. *Роди вси*, заключается въ отсутствіи правилъ или знаковъ, опредѣляющихъ размѣръ пѣнія. Одно раздѣленіе нотъ на такты, полтакты, четверти, и проч. слишкомъ недостаточно для того, чтобы передать все разнообразіе мыслей и чувствъ, содержащихся въ церковныхъ пѣсняхъ. Необходимо опредѣлить степень медленности или быстроты пѣнія, соотвѣтственно внутреннему содержанію каждой пѣсни, иногда даже отдѣльныхъ частей одной и той же пѣсни, медленному и спокойному или быстрому, порывистому ходу мыслей и чувствъ. Въ партесномъ пѣ-

ніи это частнѣйшее опредѣленіе размѣра пѣнія, легко и просто обозначается терминами: *grave, adagio, andante, andante-moderato, allegro allegro-vivace* и проч., при этомъ рука дается на четыре, на три и на два, что означаетъ, что въ тактѣ, какъ бы онъ ни былъ раздробленъ на четверти, осьмыя и проч., заключается четыре, три или два маха руки. Въ школьномъ обиходѣ ничего подобнаго нѣтъ, отъ того всѣ пѣсни, изложенныя въ немъ, поются одинаковымъ размѣромъ, или этотъ размѣръ замедляется и ускоряется по произволу неискуснаго пѣвца, и какъ при первоначальномъ обученіи, по весьма понятной причинѣ, употребляется размѣръ значительно медленный, то учившіеся обиходу не отстаютъ отъ этого размѣра и въ послѣдствіи, что, по нашему мнѣнію, найболѣе безобразитъ и безъ того убогій напѣвъ обиходный.

Остается простой, старинный напѣвъ нашъ. Говоря ***нашъ***, мы разумѣемъ напѣвъ южно-русскій, который рѣзко отличается отъ напѣва сѣвернорусскаго. Трудно опредѣлить полный кругъ этого напѣва, многочисленныя переложенія въ звукахъ одной и той же пѣсни церковной. Въ старину достоинство дьячка, просящаго мѣста, громада опредѣляла числомъ извѣстныхъ ему напѣвовъ найболѣе употребительныхъ пѣсней церковныхъ. По преданію извѣстно, что дьячки даже начала нынѣшняго столѣтія знали по десяти и двадцати ***херувиковъ***, т. е. могли пѣть херувимскую пѣснь на десять и двадцать ладовъ. Тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ пѣсняхъ церковныхъ. Кромѣ того они пѣли своего рода концерты, т. е. пѣсни въ честь праздниковъ господскихъ, богородичныхъ и святыхъ, содержаніемъ которыхъ были краткая исторія праздника, похвала празднику или святому и какое либо нравоученіе. Все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайно широкомъ объемѣ стариннаго напѣва. Онъ обнимаетъ собою весь годичный кругъ богослуженія церковнаго, даже такія пѣсни и разнаго рода стихиры и припѣвы, которые въ обыкновенномъ богослуженіи читаются и для которыхъ въ придворномъ пѣніи вовсе

нѣтъ напѣва. При такомъ широкомъ объемѣ старинный нашъ напѣвъ обладаетъ высокими внутренними качествами. Въ немъ удивительное богатство и разнообразіе звуковъ, а сочетаніе этихъ послѣднихъ таково, что можетъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ музыкальнаго вкуса. При господствующемъ качествѣ простомъ, при ровномъ и спокойномъ теченіи звуковъ, онъ отличается быстрыми и смѣлыми переходами изъ одного тона въ другой. Отъ того пріятность и умилительность пѣнія соединены въ немъ съ величіемъ и торжественностію. Но говоря все это, мы не опредѣлили и въ половину цѣны нашего стариннаго напѣва. Главное его достоинство заключается въ его народности; весь онъ проникнутъ характеромъ грусти и заунывности, которымъ запечатлѣна вся поэзія нашего народа, вся исторія этого края. Напѣвъ этотъ не есть дѣло субъективнаго вкуса, не есть произведеніе одного или нѣсколькихъ лицъ и не принадлежитъ опредѣленному какому нибудь времени въ исторіи; это великое твореніе ученія народнаго, продуктъ многовѣковой глубоко религіозной и нравственной жизни нашего народа, тутъ вылилась душа народа со всѣми ея природными и историческими мотивами, со всѣми пережитыми ею скорбями и страданіями. Въ отношеніи къ напѣву напр. Бортнянскаго нашъ старинный напѣвъ тоже, что природа въ отношеніи къ искусству, или поэзія народная въ сравненіи съ поэзіею искусственною. Богатство его содержанія и его внутреннія достоинства таковы, что изъ него черпали многое для своихъ произведеній лучшіе наши композиторы: Бортнянскій, Ведель, Огинскій, Турчаниновъ, Львовъ и другіе, при чемъ надо замѣтить, что прямыя переложенія, встрѣчающіяся чаще у композиторовъ малоизвѣстныхъ, бываютъ всегда ниже подлинника, блѣдныя и безцвѣтныя. Примѣровъ можно было бы представить много, но мы укажемъ на тѣ только, которые могутъ быть извѣстны большинству нашихъ читателей; просимъ напр. припомнить знаменитое лаврское *Господи помилуй* или лаврскую же херувимскую, какъ поются они въ большой церкви нашей Печерской лавры и какъ вы-

полняются какимъ либо хоромъ, *Покой Спасе нашъ* и *Милость мира* по выполненію нашихъ сельскихъ дьячковъ и въ переложеніи для четырехъ голосовъ, и проч. под. Всѣ эти и другія, болѣе удачныя, переложенія, какъ напр. *Волною морскою* и *Тебе одѣющагося* остаются вѣрными только буквѣ образца, а духъ его, его свѣжесть, его прелесть утрачиваются безвозвратно, какъ утрачивается запахъ цвѣтка, если измять его руками, какъ теряется видъ лѣска, луга и свободно растущаго садика, если распланировать ихъ по прямымъ и другимъ опредѣленнымъ линіямъ. Единственный недостатокъ, какой указываютъ въ старинномъ нашемъ напѣвѣ, и въ отношеніи къ требованіямъ музыкальнаго строя или технической его стороны, это излишняя по мѣстамъ витіеватость и кудрявость его; но это можно сказать только о лаврскомъ напѣвѣ, который внѣ Лавры, даже внѣ большой ея церкви, является въ болѣе простомъ и сокращенномъ видѣ.

Гармонируя вполнѣ съ духомъ народа, отвѣчая природному складу нашей души и преобладающему ея настроенію, нашъ старинный напѣвъ вполнѣ совпадаетъ съ общимъ настроеніемъ молящагося христіанина, которое, конечно, всегда должно быть запечатлѣно скорбію о грѣхахъ и умиленіемъ сердца; отъ того онъ производитъ неотразимое вліяніе на предстоящихъ въ церкви и такое сильное впечатлѣніе, которое не скоро изглаждается въ душѣ. Кто можетъ безъ слезъ, покрайней мѣрѣ безъ особаго трепета и умиленія сердечнаго, слушать не только дивное лаврское пѣніе, но простое безхитростное пѣніе тѣхъ изъ нашихъ сельскихъ причетниковъ и помогающихъ имъ грамотныхъ поселянъ, которые съ любовію хранятъ наслѣдіе предковъ, достояніе глубокой древности, чужды всякихъ претензій на искуство въ пѣніи, но богаты непосредственными ощущеніями и сердечнымъ изліяніемъ въ звукахъ пѣсней церковныхъ. Припомните, какъ поютъ кой-гдѣ наши старые дьячки и съ ними грамотные поселяне: *О всепѣтая Мати*, *О пресладкій и всещедрый Іисусе*, *Милость мира*, *Достойно есть*, или какое нибудь величаніе, или какъ вмѣстѣ съ ними и священники, при погребеніи своего собрата,

поютъ *Покой Спасе нашъ*... Какая необъятная широта звуковъ и полнота аккордовъ, а въ сочетаніи ихъ какое безмѣрное величіе, безпредѣльная горесть души и глубочайшее смиреніе и умиленіе! Нѣтъ, никакимъ словомъ не выразить тѣхъ разнообразныхъ, и равно дивныхъ ощущеній, которыя пробуждаетъ въ душѣ подобное пѣніе. Гдѣ секретъ такого чувства, тайнаго вліянія этого напѣва на душу? Онъ народенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ вылился изъ души, отъ того и такъ сильно дѣйствуетъ на душу.

Соображая все сказанное доселѣ объ употребительныхъ у насъ напѣвахъ, мы не затруднимся нашъ старинный напѣвъ рекомендовать для изученія въ сельскихъ школахъ нашего края предпочтительно предъ другими напѣвами. Къ чему мѣнять намъ драгоцѣнное достояніе предковъ на грубую ли и безвкусную комбинацію звуковъ, или на высокій въ техническомъ отношеніи, но не богатый чувствомъ напѣвъ чуждый духу народа и не довольно близкій къ духу церковнаго богослуженія? Къ чему крестьянскихъ дѣтей, мучитъ надъ изученіемъ того, что вовсе чуждо для нихъ и можетъ быть понято и усвоено ими только при значительной степени развитія душевнаго? На что имъ, на что и всему народу партесное пѣніе, въ которомъ и болѣе образованные классы такъ мало понимаютъ и къ которому и эти послѣдніе вообще мало питаютъ сочувствія? Ревнителямъ партеснаго пѣнія слѣдовало бы помнить, что оно явилось у насъ безъ всякой предварительной подготовки, что потребность въ немъ, вкусъ къ нему не выработаны нашею предшествовавшею жизнію, и что мы и теперь едва ли не столько же далеки отъ него, какъ были при первомъ его появленіи. Оно явилось у насъ тогда, когда все у насъ наука, литература, жизнь политическая, общественная и даже домашняя строились по образцамъ западнымъ, и надо сказать, что принятіемъ партеснаго пѣнія мы поспѣшили болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ дѣломъ. Оно невсегда и невполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего богослуженія. Это послѣднее обстоятельство отразилось и на самомъ складѣ произведеній церковной-вокальной музыки. Наши ду-

ховные композиторы, за исключенiемъ отца протоiерея Турчанинова, не довольно были знакомы съ духомъ народнымъ и еще менѣе съ духомъ церкви, отъ того произведенiя ихъ, высокiя въ музыкальномъ отношенiи, не удобны въ примѣненiи къ церковному богослуженiю. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали иногда къ лучшимъ напѣвамъ народныхъ пѣсень и брали оттуда цѣлые мотивы для того или другаго голоса (*); но эти мотивы, прекрасные въ обыкновенной пѣснѣ, нарушали общiй тонъ пiэсы, предназначенной для церковнаго употребленiя и нисколько не приближали пѣнiя къ духу народа, ибо иныя стороны характера народнаго проявляются въ пѣсни житейской и иныя въ пѣсни церковной. Если же, не смотря на все сейчасъ указанное, партесное пѣнiе вошло у насъ въ употребленiе, то этимъ мы обязаны только тому, что оно принято у насъ первоначально и шло сверху внизъ, какъ всякая новинка, какъ всякая мода на удовольствiя и развлеченiя, на цвѣтъ и покрой одежи. Тутъ дѣйствовала одна и таже страсть, страсть низшихъ подражать высшимъ.

Правда, что при изученiи нашъ старинный напѣвъ можетъ представить такiя же почти трудности, какъ и напѣвъ придворный. Въ старинныхъ нашихъ ирмологiяхъ онъ положенъ въ одну ноту, какъ и школьный нашъ обиходъ, да и эти ирмологiи сохранились не во многихъ церквахъ, потому и старинному напѣву пришлось бы во многихъ мѣстахъ также учить съ голоса но при этомъ надо имѣть въ виду, что этотъ напѣвъ есть напѣвъ живой, а не книжный, какъ напѣвъ обиходный и даже отчасти придворный, разница между ними такая же, какая напримѣръ между языками латинскимъ и французскимъ, церковно-славянскимъ и русскимъ. Долговременное его употребленiе создало особыя ноты для другихъ голосовъ, кромѣ ноты основной, изложенной въ ирмологiѣ, такъ что этотъ напѣвъ самъ по себѣ трехъголосный удобно можетъ быть

(*) Подобныя заимствованiя попадаются подъ часъ у самаго Бортнянскаго.

примѣненъ для четырехъ и даже для осьми голосовъ (*). Это тѣмъ легче, что тутъ дискантъ всегда можетъ идти съ басомъ, а альтъ съ теноромъ, за не достаткомъ же напр. дисканта одинъ изъ альтовъ и даже теноровъ можетъ брать туже басовую ноту, но, конечно, верхней октавы. Какъ ни упало у насъ знаніе этого напѣва, но есть еще довольно причетниковъ и даже священниковъ, обстоятельно съ нимъ знакомыхъ. Они-то первые, каждый въ своемъ приходѣ, и могли бы заняться возстановленіемъ знанія стариннаго напѣва. Но само собою разумѣется, что на этомъ остановиться нельзя. Скорѣе успѣшное улучшеніе церковнаго пѣнія, какой бы ни былъ избранъ напѣвъ, не можетъ быть достигнуто одними частными средствами, безъ участія епархіальнаго начальства. Вмѣшательство его въ это дѣло вполнѣ естественно и законно, ибо тутъ идетъ рѣчь объ удовлетвореніи одной изъ существеннѣйшихъ потребностей цѣлой паствы. Итакъ положимъ, что у насъ, предпочтительно предъ другими напѣвами, избранъ для повсемѣстнаго введенія въ епархіи напѣвъ мѣстный, съ незапамятныхъ временъ у насъ употреблявшійся; — что же могло бы сдѣлать для этой цѣли епархіальное начальство? Оно могло бы во 1-хъ прекратить на всегда посылку въ сельскіе приходы ищущихъ причетническихъ мѣстъ, но недостаточно къ нимъ приготовленныхъ. Такое назначеніе къ временному такъ сказать исправленію должностей причетническихъ допускаемо было доселѣ епархіальнымъ начальствомъ не съ цѣлію испытанія, которому посылаемыя лица предварительно уже подвергались, но въ видахъ скорѣйшаго и легчайшаго обученія ихъ церковному пѣнію и чтенію, и, конечно, не достигало своей цѣли, такъ какъ въ селѣ по большей части учить некому и временно назначенный причетникъ оказывался самъ для себя учителемъ и образцемъ. Такой причетникъ не выучивается, соб-

---

(*) Если не ошибаемся, въ большомъ лаврскомъ ирмологіѣ этотъ напѣвъ положенъ для трехъ голосовъ.

ственно говоря, никакому напѣву; но какимъ бы напѣвомъ онъ ни пѣлъ, вы видите только искаженіе напѣва. Во 2-хъ епархіальное начальство, съ цѣлію возстановленія стариннаго напѣва, могло бы постановить правиломъ для тѣхъ, которые ищутъ причетническихъ мѣстъ, чтобы они непремѣнно изучали этотъ напѣвъ и притомъ у знатоковъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ знаніе стариннаго напѣва находится на болѣе или менѣе высокой степени совершенства, наприм. въ кіево-печерской лаврѣ, въ монастыряхъ михайловскомъ, братскомъ, выдубицкомъ и даже въ монастыряхъ заштатныхъ, которыхъ число у насъ довольно значительно, и за тѣмъ, прося причетническихъ мѣстъ, представляли бы свидѣтельства объ изученіи стариннаго напѣва отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ учились. Въ прошломъ столѣтіи и даже въ началѣ нынѣшняго обученіе церковному пѣнію производилось нарочито и болѣе правильнымъ порядкомъ, чѣмъ теперь,—у извѣстныхъ знатоковъ церковнаго пѣнія въ теченіи продолжительнаго времени (года, двухъ и болѣе). Школы грамотности были вездѣ почти, дьячекъ—онъ же и *бакаляръ*, то есть учитель; но для обученія пѣнію избирали тѣхъ изъ дьячковъ, которые знаніемъ церковнаго пѣнія составили имя, авторитетъ, пріобрѣли громкую извѣстность. Ихъ-то школы были по преимуществу школами пѣнія и разсадниками искусныхъ и знающихъ пѣвцовъ. Въ 3-хъ, соотвѣтственно указанной цѣли, епархіальное начальство и въ самой системѣ испытанія будущихъ причетниковъ могло бы допустить нѣкотораго рода измѣненіе, не соединяя званія экземенатора съ извѣстною должностью, и поручая производство испытанія не тѣмъ, которые знакомы съ церковнымъ пѣніемъ вообще, но тѣмъ, которые въ совершенствѣ знаютъ старинный мѣстный напѣвъ, какъ напр. уставщику лавры и другимъ іеромонахамъ и іеродіаконамъ, состоящимъ въ штатѣ лаврскихъ крилошанъ. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ выборъ начальства падалъ бы на лицъ, чуждыхъ всякаго подозрѣнія въ послабленіи испытываемымъ. Наконецъ и въ возстановленіи стариннаго напѣва епархіальное начальство могло бы при-

нять на себя инициативу этого дѣла и общій надзоръ за нимъ, какъ принято въ дѣлѣ народнаго образованія, рекомендуя епархіальному духовенству употреблять при богослуженіи старинный мѣстный напѣвъ предпочтительно предъ напѣвомъ придворнымъ и, пожалуй, во все не употреблять пѣнія вычурно-партеснаго или же инаго крайне убогаго Нѣтъ сомнѣнія, что независимо отъ тѣхъ мѣръ, какія могло бы принять для указанной цѣли епархіальное начальство, успѣшное возстановленіе стариннаго напѣва много будетъ зависѣть отъ сочувствія этому дѣлу нашихъ сельскихъ священниковъ, и если они и тутъ покажутъ такую ревность и усердіе, какъ въ заведеніи школъ и обученіи народа грамотѣ, то наши набожные поселяне недолго ждали бы такого пѣнія, которое не усыпляло бы ихъ, не оскорбляло бы даже ихъ простаго вкуса и не препятствовало бы молитвенному настроенію, но само настроивало бы на тонъ молитвенный, возбуждало и поддерживало духъ благоговѣнія и располагало бы къ болѣе частому посѣщенію храма Божія.

Мы распространились о введеніи стариннаго мѣстнго напѣва въ богослуженіе,—это потому, что иначе нельзя ввести его въ школы. Изъ церкви онъ долженъ перейти въ школу, изъ школы въ жизнь. И какъ желательно, чтобы это дѣло совершилось и притомъ какъ можно скорѣе,—чтобы наши сельскіе прихожане могли слышать въ св. храмахъ столь близкіе имъ и такъ сильно на нихъ дѣйствующіе звуки роднаго напѣва, выработаннаго цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ поколѣній и отразившаго на себѣ всю глубину и высоту религіозной-народной жизни, чтобы дѣти ихъ воспитывались подъ вліяніемъ не только унывной и безукоризненно нравственной пѣсни житейской, но и въ высшей степени трогательной и умилительной пѣсни церковной, чтобы наконецъ родные звуки этой пѣсни раздавались не только въ храмахъ, но и въ домахъ прихожанъ. Съ какимъ удовольствіемъ, умиленіемъ и благоговѣніемъ одни изъ нихъ пропѣли бы, а другіе прослушали и въ обыкновенныхъ собраніяхъ: *О пресладкій и всещедрый Іисусе, О всепѣтая Мати, Въ молитвахъ не-*

усыпающую, Апостоли отъ конецъ земли... и проч. и проч. Возстановленіе стариннаго нашего напѣва и повсемѣстное введеніе его въ богослуженіе и въ сельскія школы потребуетъ, конечно, довольно заботъ и трудовъ; но и дѣло стоитъ какихъ угодно заботъ и трудовъ. Какъ оно важно и какъ могло бы быть пріятно и благодѣтельно для народа, объ этомъ мы говорили уже; а теперь позволимъ себѣ указать на одно недавнее въ этомъ родѣ постановленіе высшаго духовно-гражданскаго начальства, едва ли извѣстное всѣвъ нашимъ читателямъ. Въ 1853 году, когда правительство наше особенно озабочено было изысканіемъ самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ тому, чтобы положить преграды распространенію раскола, въ числѣ такихъ Высочайше утвержденныхъ средствъ признано было „строжайше наблюдать за чинностію богослуженія, порядкомъ и тишиною въ храмахъ *и за ненарушеніемъ стариннаго церковнаго напѣва, къ которому издавна привыкъ слухъ молящихся.*" Приведенныя слова даютъ замѣтить, какъ высоко долженъ быть цѣнимъ старинный церковный напѣвъ (на сѣверѣ Россіи свой, у насъ свой) и привязанность къ нему молящихся. Конечно, расколъ не мыслимъ для насъ, но мы не должны забывать, что у насъ дѣло идетъ объ удовлетвореніи одной изъ существеннѣйшихъ потребностей народа, касается вѣковой его привычки къ своему родному, имъ самимъ созданному, такъ называемому *кіевскому* напѣву.

ИЗВѢСТІЯ.

— ***Посвященіе черногорскаго епископа.*** 17-го мая, въ присутствіи Св. Сѵнода, происходило нареченіе черногорскаго архимандрита Иларіона Рогоновича во епископа черногорскаго, а въ воскресеніе, 19 мая, была хиротонія его. По окончаніи нареченія, вновь нареченный во епископа произнесъ, на своемъ природномъ языкѣ, краткую рѣчь, въ которой благодарилъ русскую церковь, правительство и народъ за благодѣянія, оказываемыя Черногоріи, и просилъ молитвъ, да укрѣпитъ его Господь на новомъ его поприщѣ. Иларіонъ Рогоновичъ такимъ образомъ дѣлается преемникомъ архіепископа Черногоріи Никанора Нѣгоша, который возведенъ былъ въ этотъ санъ въ С.-Петербургѣ въ 1858 году, но, вслѣдствіе своихъ несогласій съ правительствомъ князя Николая, принужденъ былъ удалиться изъ отечества, и нынѣ находится въ Симферополѣ, гдѣ ему данъ монастырь для постояннаго жительства. Несогласія его начались съ того, что преосвященный Никаноръ не хотѣлъ участвовать при отпѣваніи тѣла умершаго отца нынѣшняго черногорскаго князя, Даніила. Припомнимъ при этомъ, что предъ Даніиломъ, съ 1833 г., былъ митрополитомъ черногорскаго народа Петръ Нѣгошъ, соединявшій въ себѣ и достоинство князя.

(Голосъ).

— ***Штатъ могилевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія.*** Начальницѣ училища,—(одной) 500 руб., священнику Буйницкаго монастыря, по званію наставника училища (сверхъ получаемаго имъ жалованья отъ монастыря 250 руб.)—250 р., другому священнику наставнику училища

и смотрителю училищнаго дома—500 руб., діакону, за преподаваніе уроковъ и за письмоводство—400 руб., врачу (одному) 150 руб., поварихѣ—50 р., ея помощницѣ—50 р., служителямъ (тремъ) по 30 р., всѣмъ 90 р., чернорабочимъ (двоимъ)—35 р. обоимъ 70р. на содержаніе 40 казеннокоштныхъ воспитанницъ по 50 р. на каждую, на всѣхъ 2000 р., на канцелярскіе расходы 50 р., на учебныя пособія и библіотеку 150 р., на рукодѣльныя пособія 100 р., на лекарства 100 р., на содержаніе скота 100 р., на содержаніе лошадей, на упряжь, скотный дворъ, птичникъ и экипажи 200 р., на содержаніе и починку зданій 300 руб. Итого штатной суммы 5,665 рублей сереб.

Примѣчаніе: 1) Въ число суммы: 5,665 руб., исчисленной на содержаніе училища, 200 р. отпускается изъ доходовъ Буйницкаго монастыря; 510 руб. изъ процентовъ съ капитала въ 17 тысячъ рублей, принадлежащаго училищу, а остальные 4955 руб. должны быть назначаемы, по ровной части, изъ капиталовъ духовно-учебнаго и возсоединеннаго духовенства.

2) Остатки отъ штатной суммы по одной статьѣ расхода, въ случаѣ нужды, могутъ быть обращаемы на пополненіе недостатка по другимъ статьямъ.

3) Сумма, за всѣми расходами остающаяся къ новому году, обращается въ запасный капиталъ училища, и, если превышаетъ 100 руб., вносится въ кредитное учрежденіе.

4) Врачъ, пользующій больныхъ въ училищѣ безмездно, и аптекарь, отпускающій лекарства безплатно въ продолженіе пяти лѣтъ, пріобрѣтаютъ право на награду. По докладу училищнаго правленія, архіерей доводитъ о нихъ до свѣдѣнія оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, для представленія вниманію Ея Императорскаго Величества.

Подлинный подписалъ: *свиты Его Величества генералъ-маіоръ Ахматовъ.*

— ***Пятидесятилѣтіе въ санѣ священника.*** Въ Подольской Еп. Вѣдомостяхъ извѣщаютъ, что 26 сентября 1862 года священники 1-го округа балтскаго уѣзда поднесли, за общею подписью, слѣдующій адресъ духовнику своему,

с. Березовки священнику, о. Давиду Стопкевичу, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія службы его въ санѣ священника:

„Господь Богъ заповѣдалъ избранному народу своему: „предъ лицемъ сѣдаго возстани и почти лице старче (Лев. „11, 32). Обязуемые сею заповѣдію почитать старость, „мы предстали предъ маститымъ лицемъ твоимъ, отче духовный, для изъявленія тебѣ, а въ лицѣ твоемъ и всѣмъ „старцамъ, должнаго почтенія, которое ты особенно заслуживаешь не только отъ насъ, духовныхъ чадъ твоихъ, „но и отъ всѣхъ, знающихъ тебя. Мы не дерзаемъ приписывать тебѣ доблестей по своему произволу; довольно высказать то, какъ рекомендуетъ тебя формуляръ твой, „аттестатъ и общій голосъ. Живешь ты на семъ свѣтѣ „осьмой десятокъ, но бодръ не по лѣтамъ, что свидѣтельствуетъ о воздержной жизни твоей. Священствуешь ты „полвѣка на одномъ самомъ скудномъ приходѣ, хотя по „твоему полному образованію ты всегда заслуживалъ лучшаго прихода, что доказываетъ твое постоянство и довольство своимъ жребіемъ; пятнадцать лѣтъ проходилъ „ты должность благочиннаго, и уволенъ отъ сей должности „съ похвальнымъ аттестатомъ по добровольному твоему „прошенію, что свидѣтельствуетъ о твоемъ смиреніи и нелюбоначаліи; аттестуешься ты въ формулярѣ: пастыремъ „добрымъ и богобоязливымъ; супруга твоя—благочестивою. „Общій голосъ называетъ тебя ревностнымъ и благоговѣйнымъ священнослужителемъ; ибо ты привлекъ къ служенію своему даже и постороннихъ мірянъ; трудолюбивымъ, ибо ты воспиталъ семейство свое въ такомъ скудномъ приходѣ, поистинѣ въ потѣ лица твоего; кроткимъ „и незлобивымъ, ибо никто не отзовется о тебѣ невыгодно; уступчивымъ, ибо ты готовъ каждому младшему уступить. Пріими же отъ насъ благосклонно, доблестный старецъ, отецъ нашъ духовный, сіе искреннее почтительнѣйшее приношеніе, и молись о насъ предъ Господомъ, „да сподобитъ и насъ „пастыреначальникъ нашъ Іисусъ „Христосъ послужить Ему такъ, какъ служилъ и служишь „ты. Да продлитъ онъ вѣкъ твой еще на многія „лѣта!“

При чтенiи сего, глаза у старика наполнились слезами умиленiя, а у старухи, жены его, катились слезы по морщинистымъ щекамъ, но тишина до конца чтенiя не была прерываема. Потомъ, когда читавшiй возгласилъ усиленнымъ голосомъ: „Да продлитъ онъ вѣкъ твой еще на многiя лѣта,“ и обратился съ крестнымъ знаменiемъ къ св. образамъ, всѣ собравшiеся священники послѣдовали его примѣру, и осѣнивъ себѣ такъ же крестнымъ знаменiемъ, запѣли: „многая лѣта“. По троекратномъ многолѣтiи, депутатъ поднесъ о. Давиду прочтенный листъ, и со всѣми священнослужителями привѣтствовалъ юбиляра братскимъ цѣлованiемъ, а сыновья его священникъ и дiаконъ съ прочими родственниками со слезами бросились къ рукѣ почтеннаго своего отца. Затѣмъ, провозглашенъ былъ тостъ за здравiе о. Давида и супруги его Гликерiи Сѵмеоновны, и такимъ образомъ отпразднованъ, вмѣстѣ съ храмовымъ праздникомъ, юбилей пол-вѣковаго священнослуженiя о. Давида.

По клировымъ вѣдомостямъ значится, что о. Давидъ Стопкевичъ—сынъ священника, по окончанiи курса семинарiи преосвященнымъ Iоанникiемъ, 29 августа 1811 г., рукоположенъ во священника, съ 1816—30 г. былъ благочиннымъ; отъ должности благочиннаго уволенъ съ аттестатомъ; 1826 г. награжденъ набедренникомъ; имѣетъ бронзовые кресты въ память 1812 и 1853—56 годовъ.

— ***Некрологъ.*** 14-го мая, на 74 г. отъ рожденiя, скончался въ Веймарѣ протоiерей Стефанъ К. Сабининъ, прослужившiй 40 лѣтъ за границею въ санѣ священника и протоiерея, прославивъ имя русскаго въ ученомъ мiрѣ Данiи, Германiи и земель Славянскихъ, оставивъ по себѣ въ Веймарѣ память почтеннаго и всѣми уважаемаго представителя русской церкви. Протоiерей Сабининъ былъ сынъ бѣднаго дьячка с. Болотова, воронежской епархiи; по окончанiи семинарскаго курса въ 1816 г., докончивъ свое образованiе въ с.-петербургской духовной академiи и два года прослуживъ при ней баккалавромъ нѣмецкаго языка, въ 1823 г. рукоположенъ во священника церкви при миссiи нашей въ Копенгагенѣ; въ 1833 г. указомъ

св. Сvнода дано ему право именоваться протоіереемъ и носить набедренникъ, въ 1837 г. изъ Копенгагена переведенъ въ Веймаръ духовникомъ къ Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ, Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Въ теченіе своей службы получилъ слѣд. награды: въ 1831 г. орденъ св. Анны 2-й степени, въ 1838 г. наперсный крестъ, украшенный бриллiантами, въ 1844 г. орденъ св. Владиміра 3-й степени, въ 1854 г. веймарскій орденъ Сокола 2 класса, въ 1862 г., какъ послѣдній знакъ уваженія отъ веймарскаго царствующаго дома, звѣзду къ ордену Сокола. Покойный былъ корреспондентомъ С.-Петербургской духовной академіи, членомъ королев. общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Императорскаго россійскаго общества исторіи и древностей и Мекленбургскаго „союза исторіи и древностей,“ пользовался особеннымъ уваженіемъ Шафарика, Ганки и Коляра и др., которые были лучшими его друзьями. Супруга его перевела „Торквато Тассо“ въ стихахъ, а одна изъ дочерей его, образованная подъ руководствомъ знаменитаго Листа, удостоилась чести быть принятою въ учительницы къ Е. И. В. великой княгинѣ Маріи Александровнѣ. Семейство Сабининыхъ въ Веймарѣ было любимимъ пріютомъ художниковъ и самымъ пріятнымъ домомъ для посѣтителей изъ самыхъ лучшихъ классовъ Веймарскаго общества. Сама Великая Княгиня удостоивала посѣщеніемъ это почтенное семейство.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 28 іюня 1863 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*

Въ Университетской типографіи.

св. Синода и по ему право именоваться протоіереемъ и носить набедренникъ; въ 1837 г. изъ Копенгагена переведенъ въ Веймаръ духовникомъ къ Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ, Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Въ теченіе своей службы получилъ слѣд. награды: въ 1831 г. орденъ св. Анны 2-й степени, въ 1838 г. наперсный крестъ, украшенный брилліантами, въ 1844 г. орденъ св. Владиміра 3-й степени; въ 1854 г. веймарскій орденъ Сокола 2 класса; въ 1862 г., какъ послѣдній знакъ уваженія отъ веймарскаго царствующаго дома, звѣзду къ ордену Сокола. Покойный былъ корреспондентомъ С.-Петербургской духовной академіи, членомъ королев. общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Императорскаго россійскаго общества исторіи и древностей и Мекленбургскаго „союза исторіи и древностей" пользовался особеннымъ уваженіемъ Шафарика, Ганки и Коллара и др., которые были лучшими его друзьями. Супруга его перевела „Торквато Тассо" въ стихахъ, а одна изъ дочерей его, образованная подъ руководствомъ знаменитаго Листа, удостоилась чести быть принятою въ учительницы къ Е. И. В. великой княгинѣ Маріи Александровнѣ. Семейство Сабининыхъ въ Веймарѣ было любимымъ пріютомъ художниковъ и самымъ пріятнымъ домомъ для посѣтителей изъ самыхъ лучшихъ классовъ Веймарскаго общества. Сама Великая Княгиня удостоивала посѣщеніемъ это почтенное семейство.

Печатать позволяется. Кіевъ, 28 іюня 1865 г. Цензоръ Н. Щеголевъ

Въ Университетской типографіи.